

16+

Алексей Назаров

Плащ-палатка

Алексей Назаров

Плащ-палатка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51265616

SelfPub; 2022

Аннотация

Он жил своей мирной жизнью и мечтал жить и созидать. Но, вместо учебы в Томском педагогическом институте и работы учителем, ему пришлось учиться в Омском пехотном училище и воевать.

Алексей Назаров

Плащ-палатка

Свой дачный участок, находившийся на краю города, он называл садом. Это и был самый настоящий сад, ведь на крошечном клочке земли у него росли и яблони и вишня и облепиха. И всё это в Сибири, где зимой земля промерзает метра на полтора, а то и глубже.

Однажды, тёплым сентябрьским вечером, готовясь к отъезду из сада домой, он собрал вещи но никак не мог сообщить во что их завернуть. Вот, наконец, в голову пришла нужная мысль, и он, оглядевшись по сторонам, крикнул внуку:

– Алёша, посмотри, где-то в мансарде плащ-палатка была. Зелёная такая. Найдешь, принеси её сюда.

– Дед, я знаю, какая она. Сейчас поищу, – ответил внук.

Быстро забравшись по лестнице на мансарду дачного домика, четырнадцатилетний мальчишка стал искать плащ-палатку. Найдя искомую вещь, он спустился вниз и, подойдя к деду, сказал:

– Вот, нашел. Эта?

– Да, эта. Расстели её вот тут, я посмотрю на неё, – сказал дед, указав рукой на клочок земли перед собой.

Глядя на расстеленный перед ним кусок зеленой ткани с кольцом и шнурком, дед достал из кармана рубашки папи-

росу и закурил, молча выпуская дым, задумчиво прищурился, словно он что-то мог увидеть на той самой плащ-палатке. А он видел ...

... Он видел строй одетых в офицерские шинели и туго перепоясанных кожаными ремнями молодых восемнадцати и девятнадцатилетних парней, стоящих на плацу Омского пехотного училища.

– Товарищи выпускники! Еще раз поздравляю вас с окончанием военного училища и присвоением воинского звания младший лейтенант! – говорил стоящий перед строем начальник училища, приложив руку к папахе.

– Ура! Ура! Ура-а-а-а! – ответил строй новоиспеченных младших лейтенантов.

– В девятнадцать ноль-ноль сбор на этом же месте, для распределения по воинским частям. До этого времени всем увольнение в город. Вольно, разойдись!

Выбежав за ворота училища, три молодых офицера быстрой пружинистой походкой пошли по заснеженной улице. Над их головами светило яркое январское солнце, а под ногами поскрипывал ослепительно белый снег. Синицы, сидя на ветках деревьев, пели так, что хотелось думать о чём-то возвышенно-романтическом, но ни у кого из троих друзей даже не было девушки.

Спустя годы один из друзей примерно в эту же пору, в середине зимы встретит свою любовь. С ней он проживет долгую и счастливую жизнь, воспитает детей, увидит внуков.

Это будет позже, а сейчас три молодых парня в офицерских шинелях шагали по городу и даже не замечали, что девушки бросают на них заинтересованные взгляды, мужчины, завидя их, задумчиво закуривают, а старушки шепчут им вслед молитвы, осеняя их спины крестным знаменем.

Времени, отпущенного на увольнение в город, хватило на поход в кинотеатр, где показывали фильм «Свинарка и пастух», на дорогу от училища к кинотеатру и назад. Ну, разве что еще несколько минут было затрачено на поедание мороженого у входа в кинотеатр, ведь военные не могут есть на ходу – не положено по Уставу.

Вернувшись в училище, парни увидели зелёные грузовики, стоящие на краю плаца – это означало, что сегодня их не только распределят по воинским частям, но и отправят туда. Смуглолицый и широкоплечий парень первым подал руку своим товарищам:

– Андрюха, Серёга – похоже, прощаться пора, нам, – сказал он, кивнув головой в ту сторону, где стояли зелёные грузовики.

– Похоже, что да, – ответил ему невысокий, коренастый крепышь и протянул свою руку.

– Ну что, парни, бог даст – свидимся ещё, – протягивая руку, сказал высокий стройный молодой человек, лицо которого было усыпано веснушками, а из-под шапки были видны коротко стриженные рыжие волосы.

– Андрюха, ты чего, в бога что ли веришь? – спросил смуг-

лолицый парень.

– Нет, Коля, не верю. Так, к слову пришлось, – ответил Андрей.

– Парни, а давайте, потом, когда война кончится, встретимся... Ну, хотя бы здесь, в училище, – предложил невысокий крепыш.

– Ага, нужны мы тут будем, со своими встречами, – ответил Андрей.

– А чего? Хорошая идея! Серёга дело говорит. Адреса друг друга есть у всех. Писать умеем – лейтенанты всё-таки, пусть даже и младшие. Напишем Серёге и договоримся – где и когда, – как бы подвел итог разговора Николай.

Парни ударили по рукам и посмотрели друг на друга. В сгущающихся сумерках зимнего вечера были видны лишь глаза, белые подворотнички и «кубари», блестящие на петлицах шинелей.

Это был последний раз, когда они смотрели друг другу в глаза. Андрей несколько раз писал письма Сергею и Николаю, но все они остались без ответа. Из Омского пехотного училища пришел сухой казённый ответ, о том, что училище не располагает сведениями о дальнейшей судьбе своих выпускников. Из военного комиссариата пришел не менее сухой и казённый ответ, о недостаточности предоставленных данных.

Много лет спустя, оказавшись на военных сборах офицеров запаса, от общего знакомого Андрей узнает, что в фев-

рале 1942 года Николай, поднимая взвод в атаку, погиб под Ржевом примерно через две недели после окончания училища. О судьбе Сергея он так ничего и узнает. Всё это будет потом, спустя годы, а сейчас трое парней молодые, здоровые и полные сил бежали по плацу, чтобы занять свои места в строю и выслушать приказ о распределении по воинским частям.

Три дня Андрей провел в холодной, деревянной, одноэтажной казарме, располагавшейся на самом краю города. Там происходило формирование их воинской части. Ему, как и другим молодым офицерам и солдатам, хотелось поскорее отправиться на фронт, чтобы бить врага. Сослуживцы постарше посмеивались над ними и грустно шутили:

– Вот дурачье – им бы девок тискать, а они воевать хотят...

– Сиську бы им ишо сосать!

– Да, нет – сиську поздно уже. Гляди, яки гарны хлопцы. До девок точно доросли уже... Вот только доживут ли...

К исходу третьего дня вновь сформированная часть, с оружием и боеприпасами в ящиках пешей колонной выдвинулась к железнодорожной станции. Один из солдат высказался по этому поводу:

– Бензина, им, что ли жалко?! Чего нас, как скот какой, пешком гонят?!

– Привыкай! Мы же пехота! – весело ответил ему солдат постарше.

– Ага! пехота – день идешь, еще охота! – под общий хохот сказал старшина, годившийся многим если не в деды, то в отцы точно.

Вопреки ожиданиям на станции ждать не пришлось, а сама погрузка не заняла много времени и уже через полтора часа двери в вагонах-теплушках закрылись. Паровоз, издав протяжный гудок, дернулся с места и, медленно набирая скорость, потащил состав на запад.

В теплушке не было окон – ведь, по сути, это обычный товарный вагон. Источником света в ней служили: металлическая печка-буржуйка, которой отапливался вагон и две керосиновые лампы. По большому счету бойцам делать было нечего и большую часть времени они спали, либо просто лежали на деревянных, сколоченных из грубых досок, нарах. Для большинства солдат единственным развлечением в пути был приём пищи и разговоры, о доме. Как-то проснувшись, Андрей увидел, что за столом, сделанным из составленных один на другой ящиков с винтовками, сидели несколько бойцов и один из сержантов его взвода. Они громко смеялись, весело подшучивая друг над другом. Они играли в карты.

Несколько минут понаблюдав за тем, с каким оживлением солдаты играют в карты, Андрей присел на нарах, обулся, надел ремень, после чего встал и оправил гимнастерку. Подойдя к столу, за которым бойцы играли в карты, он сел на стоявший рядом ящик.

– Мужики, а научите меня в карты играть!?! У меня и день-

ги есть. Мне в училище выдали. Всё равно они мне ни к чему...

– Садись, взводный, сейчас мы тебя научим! Ты на фронт и без денег и без штанов приедешь, – засмеявшись, сказал один из бойцов.

– Нельзя командиру без штанов, но сапоги мы ему заменим минут через десять, – сказал другой боец.

– Ну-ка, уймись! – грозным басом сказал немолодой усатый сержант, глядя на бойцов и, повернувшись к Андрею, продолжил. – Знаешь что, лейтенант!? Иди-ка ты отсюда. Не умеешь, так и не стоит начинать. Карты это такая зараза – хуже курева, хуже водки. Станция будет, сходи, купи мороженого или конфет. Коли денег не жалко, так лучше папирос купи – нас угостишь.

На станции Андрей купил несколько пачек папирос для усатого сержанта и других курящих бойцов, а также три килограмма конфет для себя и остальных солдат. Сержант, принимая угощение, сказал Андрею:

– Ты, не обижайся на меня, лейтенант. Я дело говорю. Потом, время придет – сам поймешь...

Андрей запомнил слова сержанта на всю жизнь и данный им наказ передал своим детям и внукам, а те – своим. Случаев, убедиться в правоте сержанта, представилось более чем достаточно, особенно в ту пору, когда Андрею довелось командовать штрафным взводом. Это было позже, а сейчас он в новой полушерстяной офицерской гимнастерке с расстёг-

нутым воротником, на котором алели «кубари» на малиновых петлицах, сидел в компании не курящих сослуживцев и пил чай с конфетами.

После нескольких дней пути состав прибыл в конечный пункт. Погрузившись на автомобили, воинская часть двинулась дальше на северо-запад. Бойцы, сидя в кузовах автомобилей, смотрели по сторонам, но ничего не могли разглядеть, кроме снега, сосен и других деревьев, лишь изредка перемежающихся с мелким кустарником. Воздух был холодным и сырым, кружила вьюга, засыпая снегом всё вокруг.

По дороге, ведущей сквозь заросли мелкого кустарника, колонна заехала в лес и там остановилась. Послышалась команда: «Покинуть машины!», затем: «Становись!» и «Командиры и политработники ко мне!». Из строя вышли офицеры и выстроились в шеренгу перед основным строем.

Невысокий, коренастый мужчина с гладко выбритым лицом, представившийся командиром полка, заложив руки за спину, расхаживал перед строем офицеров, проводя инструктаж:

– Первые три дня дальше этого леса без разрешения старших командиров не выходить. Одиночные передвижения исключить – маму позвать не успеете, как вас уже будут допрашивать там, за линией фронта, – полковник указал рукой на запад, после чего продолжил. – Вон там, наши основные позиции. Все передвижения только пригнувшись, или ползком, так что бы вас с той стороны видно не было.

Повернувшись лицом к строю, полковник достал из кармана перочинный нож, и с его помощью, вытащил у всех офицеров из петлиц красные эмалевые «кубари» и «шпалы». Знаки различия он тут же отдал владельцам в руки. Закончив это действие, убирая нож в карман, он снова повернулся лицом к строю и, видимо заметив недоумение на лицах офицеров, решил пояснить:

– Никто вас ваших званий не лишает! Кому хочется, нарисуйте себе их химическим карандашом, – достав из сумки-планшета химический карандаш, он демонстративно протянул его строю. – Только эти назад не вешайте. Они бликуют так, что лучшего сигнала вражеским снайперам и придумать сложно. Из предыдущего пополнения восемьдесят процентов командного состава, включая младших командиров убиты снайперами в первый месяц. Шинели офицерские тоже лучше смените на ватники, и петлицы тоже отпорите – слишком приметные они. Тут чем проще выглядишь – тем дольше живешь.

После этих слов Андрей обратил внимание, на то, что на полковнике вместо папахи была обычная шапка, а из-под белого тулупа виднелся воротник его гимнастерки без петлиц и каких-либо знаков различия. Даже сумку-планшет он держал в руках вместо того, чтобы повесить её через плечо. В этот же день все поголовно спорили с гимнастерок петлицы и свернули шинели в скатки. Позже петлицы вернутся на свои места, но они будут уже не малинового цвета, а зеленого, как

и знаки различия на них.

Не был исключением и Андрей. Вечером в землянке, при свете керосиновой лампы, он, сняв с себя гимнастерку, спарывал с неё те самые малиновые петлицы. Глядя на это, сидевший напротив командир первого взвода лейтенант Ерёмин сказал:

– Это правильно, Андрюха, что ты их спарываешь. У нас тут иной раз может по две-три недели как бы затишье быть. А получается так, что боёв вроде и нет, ихние снайпера через день, да каждый день нам списки погибших пополняют...

– Тимофей, у нас что, своих снайперов нет? – спросил Андрей.

– Есть. Они тоже своего не упустят. Потом сам всё увидишь, и поймешь, что к чему.

– Ты давно здесь?

– Здесь с осени – как фронт остановили, так тут и сидим. А в армии я с сорокового – я же кадровый.

Дни шли, унося с собой зиму, весну, лето и листки отрывного календаря, висящего на стене землянки. В один из дней Андрей зашел в землянку и, у порога сняв с плеч плащ-палатку, с силой тряхнул ею, сбросив с неё налипший осенний снег. Положив каску на нары, он повесил автомат и плащ-палатку на гвоздь. Сев на свои нары, он левой рукой расстегнул воротник гимнастерки, а правой достал из лежащей на столе пачки папиросу, смял бумажную гильзу и прикурил от протянутой ему спички.

За эти месяцы он стал несравнимо старше того молодого офицера, что прибыл сюда после окончания военного училища. Дело даже не в полинявшей гимнастерке и стоптанных сапогах, и даже не в том, что он стал курить и научился пить водку не морщась. За эти месяцы он увидел слишком много для восемнадцатилетнего парня. Он пережил несколько бомбардировок вражеской авиации и артиллерийских ударов, неоднократно бывал в оборонительных боях и ходил в атаку. Видел смерть своих товарищей и ещё много чего. Он стал намного увереннее себя вести и стал по-другому смотреть на многие вещи.

Затянувшись в очередной раз, он, выпуская клубы сизого табачного дыма, сказал:

– Уж зима бы скорее что ли – всё лучше, чем грязь месить.

– Покуришь, в штаб сходи – вызывали тебя, – сказал Ерёмин.

– Зачем?

– А мне откуда знать?!

Докурив, Андрей затушил окурок, застегнул воротник гимнастерки, накинул плащ-палатку и надел на голову каску. Взяв в левую руку автомат, он вышел из землянки наружу.

В штабном блиндаже было тепло и сильно накурено. Доложив о своём прибытии, Андрей остановился у двери и ждал. Наконец, на стоящего офицера обратил внимание один из старших офицеров штаба воинской части в звании подполковника:

– Лейтенант, ты чего там стоишь?! Иди сюда! Знаешь, за-
чем тебя вызвали?

– Нет, не знаю, – ответил Андрей.

– А я сейчас тебе объясню! Вот, скажи – сколько твоим
взводом и тобой лично за прошедшие сутки фашистов уни-
чтожено?

– Да, нисколько. Боёв ведь не было...

– Знаю, что не было, – сказал подполковник, перебирая
бумаги. – Вот смотри – твой сосед слева за сутки уничтожил
двух фашистов, а вот сосед справа только одного. Одного, но
уничтожил! А ты что?!

– А я ничего.

– Вот, именно, что ничего! Что за бездеятельность и все-
ленская терпимость к врагу?! Ты подумай, лейтенант. Хоро-
шенько подумай, о чем мы с тобой сейчас говорили.

– Есть, подумать! – ответил Андрей.

– Всё, свободен, товарищ младший лейтенант! – ответил
подполковник, потеряв интерес к продолжению разговора.

Выйдя из штабного блиндажа, Андрей направился на по-
зиции своего взвода. В передней линии траншей он выгля-
нул через бруствер и посмотрел на неприятельскую сторону.
За заросшим бурьяном полем, покрытым слоем нетронутого
снега, виднелось проволочное ограждение и больше ничего.
Даже дым от костров не был виден. «Кого они уничтожают?
И главное – как?» – подумал Андрей, развернулся и пошел
в обратную сторону. Войдя в свою землянку, он увидел там

спящего Ерёмину и, не желая его будить, взял фляжку с накопленными и неизрасходованными «наркомовскими», пачку папирос и вышел обратно. Дойдя до позиций соседнего взвода, Андрей зашел в командирскую землянку. Командир третьего взвода младший лейтенант Корнев, сидел у печки и подкидывал в неё дрова.

– Здорово, Андрюх! – поздоровался Корнев.

– Здорово, Санёк! – ответил Андрей.

– Ты, по делу, или как?

– По делу, – сказал Андрей и потряс фляжкой.

– Хорошее дело! – ответил Корнев, и пересев от печки на нары, выставил на сколоченный из грубых досок стол две металлические кружки.

Андрей плеснул в обе кружки и завинтил крышку фляжки. Подняв кружки офицеры, посмотрели друг на друга.

– Ну, за победу! – сказал Андрей.

– За победу! – поддержал Корнев.

Офицеры выпили не закусывая, и закурили. Выпуская клубы табачного дыма, Александр спросил:

– Ты поговорить хотел?

– Хотел, – ответил Андрей.

– Давай поговорим, – сказал Александр, подав рукой знак, находившимся в землянке бойцам, чтобы они вышли из неё.

– Меня сейчас в штаб вызывали...

– На кой?

– Да, говорят, мол, хреново ты воюешь товарищ младший

лейтенант.

– Эвона как!

– Ага, твой, говорят, сосед слева за сутки двух фашистов уничтожил, а сосед справа одного. А ты? Что за бездействие?

– Тю-у-у-у! Всего-то и делов!?! Я думал у тебя что-то серьезное стряслось... Наливай! Сейчас я тебя научу!

Выпив еще водки, офицеры снова закурили. Александр, поймав на себе взгляд Андрея, продолжил разговор:

– Вот ты вечером до ветру пойдешь, так возьми и сделай пару выстрелов. Просто так – в белый свет как в копеечку. Потом вернешься в землянку, керосинку зажги и садись рапорт писать – так, мол, и так, во время наблюдения обнаружил передвижение живой силы противника, сделал два выстрела и уничтожил одного фашиста. Обещаю так же поступать и впредь. Крепко целую. Взводный Андрюха... Только цифры меняй хоть иногда.

– Это же враньё! – возмутился Андрей.

– Ну, сходи правды поищи... Ты, думаешь, я этого не знаю, или Тимоха Ерёмин? Или ротный наш?

– А почему тогда так? – искренне недоумевал Андрей.

– Ну, хотят они так, – Корнев указал большим пальцем правой руки себе за спину. – Наверное, чтобы перед ставкой хвастаться своими успехами. Значит пусть оно так и будет. Тебе охота из-за дурости в штабе краснеть и херню всякую выслушивать?

– Нет.

– И я думаю, что нет. Делай, как я говорю и дело с концом.

– И что, все так делают? – поразился Андрей.

– Ты, у Ерёмина спрашивал?

– Нет. Спит он.

– Вот, как проснётся, спроси. Он же кадровый – лучше нас знает, что в армии и почём. Давай ещё по одной, а остальное оставь на разговор с Тимохой. Поешь только, а то упадешь.

Вечером примерно такой же разговор у Андрея состоялся и с Тимофеем Ерёминым. Андрей внял совету своих более опытных товарищей и больше его в штаб не вызывали.

Всё шло своим чередом, и рапорта офицеров о результатах боевых действий копились в штабном блиндаже, а ими там печку топили, или рвали их на самокрутки. Одно достоверно известно – писали их регулярно.

Наступило лето 1943 года, петлицы с «кубарями» и «шпалями» ушли в прошлое, а им смену пришли погоны. Из сводок Совинформбюро и политинформации стало известно о крупных успехах Красной армии. Среди солдат и офицеров стали ходить разговоры о том, что и им недолго осталось сидеть в глухой обороне посреди этих болот и лесов. Должны уже и они перейти в наступление и гнать врага с родной земли.

В тот день офицеры батальона собрались у штабного блиндажа, с заранее написанными донесениями о результатах боевых действий за прошедшие сутки. Все ждали начальника штаба, который с минуты на минуту должен был вер-

нутья от вышестоящего командования.

Вот, наконец, где-то за спинами офицеров скрипнули тор- мозные колодки штабного «Виллиса» и из него вышел явно чем-то недовольный начальник штаба в звании майора. По- дойдя к офицерам, он вырвал у одного из них листок с рапор- том, развернул его и прочёл вслух, так же поступил он еще с двумя донесениями. Потом собрал их все, сложив стопкой, порвал пополам и отдал водителю со словами:

– Держи, Иван, тебе на самокрутки!

– Товарищ майор, да они на самокрутки не годятся – бу- мага слишком плотная, дыму много и гореть начинает.

– Вот! Они даже на самокрутки не годятся! Они вообще ни на что не годятся! Заврались, совсем! Я сейчас в штабе бригады был. Мне там надавали по первое число... Больше не приносите мне их, и вообще не марайте бумагу.

– Что у кого-то разум проснулся? – спросил высокий ху- дощавый капитан, лет тридцати на вид.

– Проснулся, Бирюков, проснулся... В штабе армии сло- жили все данные из этих отчетов и получили результат – этой армии, что стоит напротив нас, – майор указал рукой в сто- рону вражеских позиций. – Этой армии уже три месяца как не должно существовать...

– Товарищ майор, да как же это?! Что же мы теперь де- лать-то будем? Как же мы теперь? Ведь от бездействия с ума сойдём, – съехидничал капитан Бирюков.

– Не сойдем, – ответил майор. – Придумают, чем еще

нас всех занять. Завтра очередное пополнение прибывает. Вот ими и займитесь! Бирюков, ты назначаешься ответственным за ввод пополнения в строй!

– Спасибо за доверие, товарищ майор!

Услышав про очередное пополнение, Андрей повернул голову вправо и посмотрел на стройные ряды деревянных обелисков с фанерными звездами и табличками с именами офицеров и солдат.

На следующий день Андрей, по заданию командира роты капитана Бирюкова, проводил инструктаж с офицерами, прибывшими в роту взамен погибших.

– Плащ-палатку лучше не снимать. Жарковато, но зато она ваши погоны закрывает от лишних глаз.

– А чьи глаза тут лишние? – недоумевал один из вновь прибывших младших лейтенантов.

– Вражеских снайперов, – ответил Андрей. – Они нашего брата в первую очередь стараются выбить...

– Товарищ лейтенант, а у нас, что своих снайперов нет что ли? – спросил смуглолицый и широкоплечий младший лейтенант, напоминавший Андрею его друга по училищу – Николая.

– Да, можно просто по имени – Андрей. Есть у нас свои снайпера, они тоже без дела не сидят. Потом сами всё увидите ...

... Выдохнув струю табачного дыма, Андрей, глядя на расстеленную перед ним плащ-палатку, сказал:

– Она солдату была и одёжа, она ему и постель, в ней его и хоронили... Гляди-ка – цела ещё..., – сказал Андрей, не глядя на внука, но прекрасно зная, что он его слышит.

17 – 26.12.2016

г. Новосибирск

В оформлении обложки использована фотография автора (Назарова Алексея Александровича).